

The background of the book cover is a collage of historical black and white photographs. In the top left, there is a wide view of a city and a river with ships. In the top right, a group of military officers in uniform are posed for a portrait. In the bottom left, a group of soldiers in uniform are shown. In the bottom right, a group of soldiers are standing on a grassy hill. The entire cover is framed by a yellow and white geometric pattern.

Живая история

М. М. Иванов

Воспоминания
генерала
Российской армии

1861 – 1919

Живая история (Кучково поле)

Михаил Иванов

**Воспоминания генерала
Российской армии. 1861–1919**

Издательство «Кучково поле»

1919

УДК 82-94
ББК 63.3(0)53-6

Иванов М. М.

Воспоминания генерала Российской армии. 1861–1919 /
М. М. Иванов — Издательство «Кучково поле», 1919 — (Живая
история (Кучково поле))

ISBN 978-5-9950-0488-2

Воспоминания генерал-майора М. М. Иванова (1861–1935) открывают картину жизни России после Великих реформ 1860–1870-х годов. Перед читателем предстает жизненный путь «человека из народа», благодаря исключительно своему трудолюбию и упорству достигшего значительных высот на службе и в жизни. Читатель не только следит за перипетиями личной жизни и карьеры автора, но и становится свидетелем событий мирового масштаба: покушения народовольцев на императора Александра II, присутствие русских в Китае в 1890–1900-х, Боксерское восстание, Русско-японская война, обустройство форпоста русского присутствия на Тихом океане – Владивостока, Первая мировая и Гражданская войны... Яркими красками описаны служба автора в Крыму, где ему довелось общаться с семьей выдающегося художника-мариниста И. К. Айвазовского, путь через моря и океаны из Одессы на Дальний Восток и др.

УДК 82-94
ББК 63.3(0)53-6

ISBN 978-5-9950-0488-2

© Иванов М. М., 1919
© Издательство «Кучково поле», 1919

Содержание

Предисловие	6
Воспоминания генерала Российской армии. 1861–1919	18
Предисловие автора	18
Автобиография генерал-майора Михаила Михайловича Иванова	19
Конец ознакомительного фрагмента.	27

М. М. Иванов
Воспоминания генерала
Российской армии. 1861–1919

© ФКУ «Государственный архив РФ», 2016

© Марыняк А. В., предисл., коммент., 2016

© ООО «Кучково поле», 2016

Предисловие

Представляемые читателю воспоминания генерал-майора Михаила Михайловича Иванова являют собой крайне интересный источник не только по истории русской армии, но и по всей жизни России второй половины XIX – начала XX века. Оказавшиеся в эмиграции русские офицеры и генералы нередко брались за перо, чтобы вспомнить милую ушедшую старину, описать внутренний быт родной армии, канувшей в Лету, почтить память своих павших товарищей... За последние десятилетия доступ к этим источникам как для профессиональных историков, так и для всех интересующихся отечественной историей последних двух веков, стал намного проще, многие из них были изданы в Российской Федерации и нашли своего читателя.

На общем фоне воспоминания М. М. Иванова выделяются достаточно резко и стоят особняком. Исключительная особенность мемуаров – то, что автор писал их не для широкого читателя, в отличие от большинства мемуаров русских офицеров начала XX века, а посвящал своей дочери, подробно описывая свою жизнь очень непосредственным языком. Тонко подмечая мелочи жизни, доскональные подсчеты «до копейки», вместе с тем открывал простодушный взгляд на жизнь и поиск простых ответов на сложные вопросы случившегося с Россией.

Сама исключительность воспоминаний Михаила Михайловича притягивает внимание читателя – но читателя, знакомого с темой. Это совсем не призма, отражающая реальную картину. М. М. Иванов – не правило, а исключение для Императорской армии начала XX века. Подобный слой командиров практически сошел после Русско-японской войны, когда требования к офицерскому корпусу резко возросли, когда полученное образование офицера и выполнение им своих служебных обязанностей стали нераздельны.

В силу ряда обстоятельств можно утверждать, что генерал-майор М. М. Иванов для русской армии 1910-х годов – человек случайный. Выбор военной карьеры был сознателен, но полученное образование, с которым он поступил на военную службу, совсем скоро уже стало недостаточным: вскоре после его приема в училище доступ к офицерским эполетам для вольноопределяющихся 3-го разряда по образованию стал возможен только после сдачи экзамена, а уже в середине 1880-х годов данная категория при отбытии действительной службы была вообще ликвидирована: требования армии порой даже опережали успехи Министерства народного просвещения.

Ровное движение по служебной лестнице «по старшинству в чине» затягивало чинопроизводство, и вскоре после Русско-японской войны 1904–1905 годов человек со схожей биографией, скорее всего, волей-неволей был бы вынужден покинуть ряды армии: был принят закон «о предельном возрасте», согласно которому подлежали увольнению обер-офицеры старше 45 лет и штаб-офицеры старше 55 лет. Но заслуженный в Маньчжурии Михаилом Михайловичем орден Святого Георгия 4-й степени автоматически исключал его из рядов «кандидатов на выбывание». В итоге Михаил Михайлович представлял собой тот, уже редкий в начале XX века, пример, когда человек достигал генеральских погон с профессиональным образовательным уровнем окружного пехотного юнкерского училища (выпускники которых в это время уступили «пальму первенства» в составе офицерского корпуса людям, прошедшим курс военных училищ, чья программа была несравненно более расширенной, нежели в юнкерских).

Фактически перед нами пример более чем успешной карьеры «человека из народа», чье продвижение по службе опиралось в первую очередь на усердное исполнение служебных обязанностей и личную доблесть. Поэтому достигнутые успехи были столь важны и значимы для Михаила Михайловича, свидетельством чему является тщательное высчитывание положенной ему пенсии, произведенное в Харбине уже в 1926 году. От этого сюжета веет определенным трагизмом: честно отдавший годы и здоровье службе старик высчитывает пенсию, хотя государства, которое могло бы ему ее платить, уже не существует почти 10 лет. Нередко встреча-

ющийся пример, когда для эмигрантов (особенно пожилых) время остановилось, а крушение государства стало и личным крушением, принять и даже признать которое было психологически почти невозможно...

Михаил Михайлович Иванов родился 22 сентября 1861 года в Костроме, но по всем документам значился «из уроженцев Ярославской губернии», где прошла большая часть его детства и юности. Детство автора мемуаров выпало на эпоху великих реформ, связанных с коренными изменениями в большинстве сторон русской жизни. Внук «николаевских солдат», Михаил Михайлович, как и его братья, избрал для себя военную карьеру. Он был одним из первых учащихся новой «пореформенной» системы образования, изменения в сфере которого самым активным образом коснулись не только гражданского, но и военного ведомства.

С начала царствования императора Александра II широко распространилось мнение о необходимости отделения специального образования от общего. Такого же мнения придерживались и в военном ведомстве, и занявший в 1860 году пост главного начальника военно-учебных заведений великий князь Михаил Николаевич, и возглавивший военно-учебное ведомство вслед за ним генерал-майор Н. В. Исаков были твердыми противниками существования прежней системы кадетских корпусов, готовивших своих воспитанников непосредственно к офицерской службе. Под руководством военного министра Д. А. Милютин была проведена коренная реформа военного образования: старшие классы кадетских корпусов сводились в военные училища (1-е военное Павловское, 2-е военное Константиновское, 3-е военное Александровское и Николаевское кавалерийское), корпуса лишались строевой организации, а вскоре были преобразованы в военные гимназии, в которых до минимума была сокращена военная составляющая, шло сокращение числа казеннокоштных вакансий, увеличилось число «приходящих» учащихся.

Для тех же, кому курс военных гимназий был труден для усвоения, были созданы военные прогимназии, в одной из которых, созданной в 1868 году на базе Ярославской военной школы, некоторое время обучался наш автор. Главной задачей данного типа учебных заведений было дать комплектование создаваемым окружным юнкерским училищам, готовившим до конца XIX века большую часть русского офицерского корпуса. Образование, даваемое в них, было «классом ниже», нежели в военных училищах, выпускники которых получали преимущество по службе. Вследствие более низких требований в военные прогимназии переводились неуспевающие ученики военных гимназий, также немалое значение имели и благотворительные цели: значительная часть учащихся получала образование за казенный счет (в первую очередь, дети военных).

Из-за переезда семьи в Москву Михаилу Михайловичу пришлось прервать довольно удачно начавшееся образование. Не удержавшись в Москве, семья Ивановых возвращается в Ярославль, но пропущенный учебный год (1873–1874) лишает маленького Михаила места в военной прогимназии. Не без труда отцу удается устроить его в Ярославское городское училище.

Городские училища образца 1872 года также стали новой страницей в системе образования Российской империи. Несмотря на то, что Положение о городских училищах было утверждено 31 мая 1872 года, преобразование уездных училищ в городские началось лишь в 1875 году. Временной люффт был затрачен на подготовку педагогических кадров для нового типа учебных заведений: на одного преподавателя ложилось ведение большинства предметов. Курс городских училищ был короче и значительно легче курса классических гимназий и реальных училищ, с которым значительная часть учащихся просто не справлялась. Целью нового типа учебных заведений было дать законченное (пусть и «высшее начальное») образование, их выпускники имели право на получение первого классного чина без экзамена и могли поступать на государственную службу.

Курс городского училища Михаил Михайлович закончил в 1877 году, когда шла Русско-турецкая война 1877–1878 годов. Юный Михаил решил посвятить себя службе в морской артиллерии, специалистов которой стали готовить в переведенном в 1872 году в Кронштадт Техническом училище Морского ведомства. Не имея за плечами законченного среднего образования, Михаил попытался воплотить амбициозный план – поступить в училище, отнесенное в 1876 году к числу высших учебных заведений.

Артиллерийский отдел училища имел 9 вакансий, желающих прибыло 57 человек. Год, проведенный в усиленных занятиях, не пропал даром: Михаил успешно выдержал все экзамены, но тем не менее не прошел по числу баллов. Раздосадованный юноша был вынужден вернуться домой, в Ярославль.

В это время как раз началось возвращение домой русских полков с театра военных действий. После неудачи в Кронштадте Михаил решает поступить на сухопутную военную службу и начинает готовиться к экзамену на звание вольноопределяющегося весной 1879 года. Еще более укрепил юношу в его решении вид бравого юнкера и бывшего однокашника – Шавлинского, прибывшего домой на Рождество 1878 года: «От его вида в военной форме, красиво и аккуратно пригнанной, я пришел в восторг... я решил поступить тоже в гренадерский полк – кепи с высоким султаном была теперь моя мечта». Выбор жизненного пути был сделан.

Свидетельство об окончании городского училища давало право по образованию 3-го разряда, но для поступления вольноопределяющимся в войска этого было недостаточно, и в марте 1879 года Михаил Михайлович держит еще один экзамен при Ярославской военной прогимназии в объеме ее программы. Выпускники военных прогимназий должны были пополнять юнкерские училища, куда они принимались без экзамена (аналогично и с выпускниками военных гимназий, переводившихся в военные училища), но началу юнкерской жизни предшествовало зачисление на несколько месяцев в строевые части с правами вольноопределяющихся 3-го разряда.

Мечтой Михаила было поступить вольноопределяющимся в Малороссийский гренадерский полк, так поразивший его (как и всех горожан) при прохождении через Ярославль на обратном пути с Балкан. Но гренадеры вернулись на свои мирные стоянки, и, по настоянию отца, выбор юноши пал на 137-й пехотный Нежинский полк, где ранее служил старший брат Михаила. Этот полк стоял в Ярославле, среди его офицеров было немало знакомых. Последнее обстоятельство оказалось немаловажным – закон требовал согласия командира полка на поступление в его часть вольноопределяющимся того или иного человека, и число вакансий было строго ограничено. К тому же, «обживаться» в знакомой среде эмоционально легче...

Вольноопределяющимися, после введения в 1874 году Устава о воинской повинности, стали именоваться молодые люди с тем или иным образовательным цензом, поступавшие добровольно на воинскую службу, не дожидаясь своего срока призыва, с целью отбыть действительную службу в сокращенные сроки и получить право на сдачу офицерского экзамена. Основной задачей введения института вольноопределяющихся было формирование корпуса офицеров запаса.

Первые годы после принятия Устава о всеобщей воинской повинности в 1874 году срок службы призванных и вытянувших жребий (российская особенность: число физически годных призывников превышало потребности армии, поэтому они тянули жребий – кто-то отправлялся на действительную службу, остальные же сразу зачислялись в запас армии) в пехоте и пешей артиллерии составлял 6 лет. Даже призванные по жребию, но обладавшие образовательным цензом молодые люди служили значительно меньше (от полугода до 3 лет), добровольно же поступавшие на службу вольноопределяющимися сокращали себе этот срок:

– вольноопределяющиеся 1-го разряда (т. е. окончившие высшие учебные заведения) – до 3 месяцев;

– вольноопределяющиеся 2-го разряда (прошедшие курс средних учебных заведений, равный 6 классам реальных училищ и гимназий Министерства народного просвещения) – до 6 месяцев;

– вольноопределяющиеся 3-го разряда (т. е. окончившие прогимназии, учительские семинарии и др. учебные заведения, курс которых мог быть приравнен к 4 классам реальных училищ и гимназий МНП) – до 2 лет.

В пореформенное время правительство таким образом старалось поощрить население к получению образования.

Но нашего героя интересовали, прежде всего, не сокращенные сроки действительной службы, а возможность поступить из рядов войск в юнкерское училище, получить за казенный счет достойное образование и начать карьеру офицера.

3 мая 1879 года М. М. Иванов был зачислен в списки 137-го пехотного Нежинского полка и определен в 12-ю роту, которой командовал товарищ его старшего брата Александра, капитан М. А. Сушевский. Вольноопределяющиеся могли шить себе обмундирование на заказ, чем и воспользовался автор, прибегнув к услугам портных Ярославской военной прогимназии.

Вольноопределяющихся в сжатый срок должны были подготовить к экзамену на звание унтер-офицера, поэтому все они в полку были собраны в одну команду, которой усиленно занялся строевик и службист, командир 13-й роты капитан И. И. Ярилов. В начале августа вольноопределяющиеся были отправлены в Москву, где собирались молодые люди из всех частей Московского военного округа, желавшие поступить в Московское пехотное юнкерское училище. Выпускники военных прогимназий поступали в младший класс училища без экзаменов, поэтому вакансий для остальных желающих почти не оставалось. По крайней мере, наш герой, несмотря на успешно сданные экзамены, не попал в младший класс, но был принят в приготовительный. Учиться, таким образом, ему предстояло не два, а три года. Первый уходил, в основном, на «подтягивание» общеобразовательных предметов.

Относительно скромный по объему и глубине курс юнкерских училищ вскоре был признан недостаточным в качестве базового образования основной массы офицерского состава. Усложнялось военное дело, все большие требования предъявлялись к офицеру. Это привело к постепенному внедрению в юнкерских училищах так называемого «военно-училищного курса»: к 1903 году программы двух типов учебных заведений были максимально сближены, а в 1911 году юнкерские училища как отдельный тип военно-учебных заведений перестали существовать. Последние остававшиеся были преобразованы в военные училища с трехлетним курсом обучения.

В первый год пребывания в училище Михаил Михайлович участвовал в смотре войск Московского гарнизона и видел императора Александра II. По традиции, на правом фланге войск стояли военно-учебные заведения, Московское пехотное юнкерское – в затылок Александровскому военному училищу. Время было беспокойное, все большие обороты набирала деятельность революционных организаций – в том числе «Народной воли». Свидетельством стал взрыв, прогремевший на железной дороге под Москвой. Взорвать императорский поезд по пути из Крыма не удалось. В начале 1881 года ситуация на улицах Москвы изменилась зримо: вернувшемуся из Рождественского отпуска юнкеру М. М. Иванову попадались арестантские кареты, на улицах – казацкие патрули... А 2 марта юнкера приносили присягу на верность службы новому императору – Александру III.

8 августа 1882 года М. М. Иванов вместе со своими однокашниками был произведен в подпрапорщики. В отличие от военных училищ, где большинство юнкеров сразу при выпуске производились в офицерские чины, выпускники юнкерских училищ производились сначала в подпрапорщики, а уже затем, через несколько месяцев, в частях войск – в офицеры.

27 февраля 1883 года М. М. Иванов был высочайшим приказом произведен в первый офицерский чин – прапорщика. Первое время он не мог привыкнуть к своему новому положе-

нию. 20-летний молодой человек оказался морально не готов к самостоятельной жизни: выйдя в свой же полк, стоявший в родном городе, он продолжал жить в родительском доме, четко выполняя свои служебные обязанности, но почти не участвуя во внутренней жизни полка, избегая и сторонясь офицерского общества. Вряд ли все можно было объяснить небольшим офицерским жалованием (хотя Михаил Михайлович и упирает на то, что ему больше нравилось положение подпрапорщика, жившего на всем казенном, а офицеру приходилось себя целиком содержать на небольшое жалованье, в том числе и обмундировываться).

Служба занимала основное внимание молодого офицера, благо отвлекающих факторов практически не было. Не без внутренней гордости Михаил Михайлович замечает: «Служба шла хорошо, я считался исправным и исполнительным офицером, если мне что-то поручали, то я гордился этим и старался выполнить как можно лучше».

В 1885 году М. М. Иванов становится сперва заядлым театралом, а потом и сам начинает выступать на любительской сцене. Необычное для кадрового офицера Русской Императорской армии увлечение, хотя Михаил Михайлович и отмечает, что оно оказывало лишь благотворное влияние, «отвлекая от попок и прочего».

Тем не менее, выбор для молодого подпоручика довольно нетривиальный – отношение к артистам и актерам в конце XIX века сильно отличалось от современного. Особенно строго оно было в офицерской среде: разумеется, никто не возбранял восхищаться актерской игрой, и среди офицеров было немало театралов, но, например, вряд ли офицер получил бы разрешение на брак с актрисой, а выступать на платных представлениях офицеру было запрещено законом. Автор же серьезно увлечен актерским искусством, хотя перечисление «врезавшихся в память» пьес говорит о формировании нестандартного для общества вкуса: «Гражданский брак», «Майорша», «Гамлет», «Гроза». Комедия и драма Н. И. Чернявского и И. В. Шпагинского почему-то оставили за собой таких «великанов», как У. Шекспир и А. Н. Островский. Такая страсть, наравне с пренебрежением общением с полковой семьей («полкового собрания... я не посещал»), выглядела по меньшей мере странно, учитывая, что именно увлечение театром стало «пропускным билетом» для вхождения в «общество» и в Крым, и на Кавказе. Вряд ли вхождение ротного командира (у которого, вдобавок, явно не сложились отношения с полковым командиром) в дом командира бригады, благодаря увлечению супруги последнего театром, не могло не вызвать пересуды в «маленьком гарнизоне». Для М. М. Иванова же актерские способности оказались одним из подспорий при движении по служебной лестнице. А вкус автора «проступает» в выборе порой прос то-таки водеvilльных сюжетов и стилистических оборотов.

Михаил Михайлович, рассказывая о быте «маленьких гарнизонов», делает спорный вывод о едва ли не фотографической точности описания жизни в произведении А. И. Куприна «Поединок». Рискнем же предположить, что А. И. Куприн в своей повести сильно сгустил краски.

По крайней мере, именно так воспринимали это произведение в офицерской массе. Таково же мнение генерал-лейтенанта А. И. Деникина: «Если *каждый* тип в «Поединке» – живой, то такого собрания типов, такого полка в русской армии не было».

Отличительной чертой автора воспоминаний является очень цепкая память: четкое перечисление тех или иных покупок, предметов интендантского довольствия, часто с указанием не только количества, но и цен, точно указанные расстояния позволяют автору максимально подробно показать картину русской провинциальной жизни. Недаром за основу написания воспоминаний взят дневник, в котором автор регулярно в течение жизни оставлял краткие записи.

Могут вызвать у читателя улыбку и краткие абзацы, посвященные личной жизни автора с точным перечислением «дам сердца», наподобие списочного состава роты, с указанием фамилии-имени-отчества. Вообще, описывая какие-то семейные или личные моменты, автор откро-

венен, порой представляя читателю подробности, которые можно было бы смело опустить (к примеру, сцена с танцами в детстве).

Посвященный, по словам автора, малолетней дочери текст просто переполнен совершенно лишними для адресата подробностями. Таковыми же они являются и для стороннего читателя: повествования о «Мессалинах» маленьких гарнизонов зачем-то полны инициалов, но уяснить, какие именно претензии предъявляет автор в конкретных случаях, нелегко. Вместо повествования М. М. Иванов иногда предпочитает «делать страшные глаза». Повторимся, что нахождение некоторой части сюжетов в адресованной дочери рукописи совершенно, на наш взгляд, неоправданно, а лукавый уход за инициалы и многоточия не добавляет ясности изложению.

Для поправления здоровья супруги М. М. Иванов переводится служить на юг – из Рязани в Феодосию, в 52-й пехотный Виленский полк, входивший в состав 13-й пехотной дивизии. На рубеже XIX–XX веков служба в ряде частей Одесского военного округа, особенно расквартированных в прибрежных городах, имела свою специфику. Прежде всего, это касалось полков 13-й пехотной дивизии и 4-й стрелковой бригады. В конце XIX века Россия вплотную приблизилась к контролю над Черноморскими проливами (в первую очередь, Босфором). Важность входа в Черное море прекрасно осознавалась, события на Балканах и в Османской империи говорили о том, что наступит момент, когда император должен будет в сжатые сроки «принять на себя защиту входа в Черное море». Планы Босфорской десантной операции тщательно готовил начальник Главного штаба и выдающийся русский военный и государственный деятель, генерал от инфантерии Николай Николаевич Обручев, к этому готовился Черноморский флот, для этого тренировались содержащиеся в усиленном составе приморские части Одесского военного округа, которые должны были войти в «войска первого рейса». Именно для внешнеполитического обеспечения этой операции в 1887 году был заключен так называемый «Договор перестраховки» между Российской и Германской империями, обеспечивавшей невмешательство Германии в случае установления русского контроля над проливами.

Свой высокий уровень «морской» подготовки чины полков 13-й пехотной дивизии и 4-й стрелковой бригады подтвердили и на Дальнем Востоке, куда прибыли (вместе с автором воспоминаний), послужив основой формирования частей 11-го Восточно-Сибирского стрелкового полка.

Одним из главных мотивов, побудивших Михаила Михайловича сменить курортный Крым на еще вовсе не обжитые дальневосточные рубежи, да еще в «свежеприобретенной» Россией Квантунской области, внутри китайской территории, была надежда на ускоренное чинопроизводство. При царе-миротворце Александре III Россия наслаждалась мирным временем, экономический рост и развитие страны не омрачались военными тревогами, а престиж империи был «на высоте». Армию же подобный «штиль», столь редкий в отечественной истории, привел к некоторому застою. Например, чинопроизводство в полках шло исключительно по старшинству в чинах и на освобождающиеся должности, которые... не освобождались. В частности, М. М. Иванов в 35 лет, через 8 лет пребывания в чине поручика, все еще в нем оставался. То есть даже в случае открытия вакансии очередь до него дошла бы только через несколько (и немало!) лет. Для значительной части армейских строевых офицеров того времени венцом карьеры было производство в чин подполковника, получаемый уже при выходе в отставку. Должность командира роты была служебным потолком.

Перевод на Дальний Восток во вновь формируемый полк, безусловно, предоставлял столь редкую в России возможность карьерного роста, да и жалованье в отдаленных местностях империи было повышенное.

Что же вызывало необходимость усиления России на Дальнем Востоке?

К концу XIX века в правящих кругах мировых держав широкое распространение получило убеждение о необходимости наличия для великой державы выхода в мировой океан.

И выхода незамерзающего, которого у России до сих не было. В то же время заканчивался период раздела колониальных территорий, одним из последних объектов для экспансии оставался Китай. Там сталкивались интересы и Великобритании, и Германии, и модернизированной Японии, серьезным игроком в Тихоокеанском регионе постепенно становились США. Россия волей-неволей вступала в соперничество со всеми этими государствами. Помимо военно-стратегических и государственных интересов стран, затрагивались и торгово-коммерческие.

Беспечную невозмутимость на восточных рубежах более нельзя было терпеть. Требовалось усиление военно-морского присутствия, для чего было необходимо строительство нового, незамерзающего (поскольку русская Тихоокеанская эскадра в то время зимовала в Японии), порта. Требовалось соединить Дальний Восток с европейской Россией железнодорожным путем и усилить русское военное присутствие в регионе (были известны действия европейских инструкторов по модернизации китайских частей вблизи российских пределов, а японская попытка «проникнуть на материк» была лишь вопросом времени, причем самого скорого). Россия проиграла соперничество с Японией в Корее («независимость» которой была объявлена Китаем после поражения в Японо-китайской войне 1894–1895 годов). Но условия мирного договора, согласно которому Японская империя получала от Китая и Ляодунский полуостров, т. е. выходила на материковую часть и приближалась к российским сухопутным границам, не могли устроить Россию. Ее протест был поддержан Францией и Германией. Япония отказалась от Ляодуна в обмен на увеличение контрибуции и начала готовиться к войне с Россией.

Оказав значительные услуги Китаю, российское правительство вправе было рассчитывать на некоторую компенсацию. Ею послужило право на строительство знаменитой Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), спрямившей по правому берегу Амура Транссибирскую магистраль. Через 80 лет частная железная дорога должна была бесплатно перейти в собственность Китая.

Вторым достижением стала аренда Квантунского полуострова со строительством там военно-морской базы Порт-Артура и коммерческого порта и города Дальний. Вслед за Германией, получившей концессию на 99 лет и построившей свою колонию и порт Циндао, и дабы опередить Великобританию, в декабре 1897 года русские суда вошли в гавань Порт-Артура и Талиенвана. 15 марта 1898 года в Пекине был подписан договор, согласно которому Китай уступал в аренду России на 25 лет Талиенван и Порт-Артур и давал согласие на строительство железнодорожной ветки (в будущем – Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД)).

Столь значительное расширение русских интересов на Востоке, безусловно, требовало возможности подкрепить их силой: этого требовал фактически оторванный от Европейской России край, оказать помощь которому в сколь-нибудь сжатые сроки было попросту невозможно (корабли Тихоокеанской эскадры на Дальний Восток шли из Балтики, а основное грузопассажирское сообщение – через Одессу, в обход половины земного шара).

Автор прибывает в Талиенван одним из первых – в 1898 году. Любопытно его описание путешествия из Одессы в Порт-Артур. Упоминаемый при описании перевозок из Порт-Артура в Талиенван купец Тифонтай был для русского Дальнего Востока рубежа XIX–XX веков личностью поистине легендарной. Николай Иванович (автор упоминает его как Ивана Ивановича) Тифонтай оказался в России в 1873 году в качестве переводчика. К 1895 году, когда он перешел в русское подданство, Тифонтай являлся одним из крупнейших (если не самым крупным) дальневосточных предпринимателей, немалые средства тратил на благотворительность. В годы Русско-японской войны значительная часть армейского снабжения была в руках Н. И. Тифон-тая, который старался как можно больше содействовать русским войскам, порой не дожидаясь необходимых документов или оплаты. В итоге предприниматель, занимавшийся интендантскими поставками во время войны, понес серьезные финансовые убытки, что случалось крайне редко.

На Дальнем Востоке М. М. Иванов приобрел первый боевой опыт во время так называемого Боксерского восстания, или восстания ихэтуаней. Широкое проникновение европейских держав в Китай, приобретение ими преимуществ в торговле, активная деятельность христианских миссионеров вызвали в части китайского населения неприязнь, постепенно переросшую в ненависть. В 1900 году эмоции выплеснулись в виде попыток повсеместного истребления европейцев и китайских христиан – «причин» неурожайных лет и «гнева Неба». Протест европейских дипломатов не нашел понимания у китайского правительства, поддерживавшего тайные общества. Более того, действенной стала угроза разгрома дипломатических миссий, для охраны которых были отправлены численно небольшие контингенты с европейских судов, бросивших якорь в Печелийском заливе. В Пекине началась осада Посольского квартала, шедший на поддержку международный контингент под командованием британского вице-адмирала Сеймура был блокирован по пути, попали в осаду международные силы в Тяньцзине, а форты Таку отказались пропустить европейские суда. Так начались боевые действия.

Первоначальной задачей русских войск (после взятия Таку) было закрепление за собой Тяньцзиня, чтобы превратить его в основную базу для движения на Пекин. Огонь, открытый китайскими батареями по судам европейских держав, и последовавшее вскоре объявление Китаем войны международной коалиции (то есть поддержка повстанцев официальными китайскими властями) развязывали руки союзникам. Шапкозакидательская политика китайских властей привела к столкновению с «единым фронтом» 8 мировых держав: Германии, Великобритании, России, Франции, Австро-Венгрии, Италии, США и Японии. Самым крупным был контингент Страны восходящего солнца.

М. М. Иванов, как другие офицеры и нижние чины русских частей, расквартированных в Квантунской области, действовал в Южной Манчжурии, где находился один из главных очагов Боксерского восстания и где действия восставших были поддержаны частями регулярной китайской армии, получившими приказ из Пекина овладеть ЮМЖД, что им в значительной степени удалось. Город и порт Инкоу превратился в один из центров повстанческой пропаганды. Войска Южно-Маньчжурского отряда продвинулись, занимая железнодорожную ветку на Инкоу, и взяли город, бывший в то время одним из основных складов материалов для строительства КВЖД. Впоследствии отряд выдвинулся на север и занял Мукден, соединившись с Северо-Маньчжурским отрядом генерала П. К. Ренненкампа. Сам автор до середины 1902 года «застрял» в городке Фын-хуан-чен, к востоку от Ляояна.

Переведенный вместе с полком в Порт-Артур, М. М. Иванов стал вхож в дом генерала А. М. Стесселя, чья супруга увлекалась любительскими театральными постановками, стараясь привлечь к этому и офицеров гарнизона крепости. Знакомство с генералом А. М. Стесселем оставило у Михаила Михайловича самые лучшие воспоминания о нем как об офицере и начальнике. Не изменил этого восторженного восприятия даже приговор Верховного военно-уголовного суда, подтвержденный государем императором 4 февраля 1908 года, согласно которому бывший начальник Квантунского укрепленного района и главный начальник войск в Порт-Артуре «сдал крепость японцам, не употребив всех средств к дальнейшей ее обороне».

Правда, петли, положенной Анатолию Михайловичу «по букве закона», ему удалось избежать.

После недолгих лет мира грянула Русско-японская война 1904–1905 годов. В начале войны гарнизон крепости сильно обновился: многие части (в том числе и полк автора – 11-й Восточно-Сибирский стрелковый) «вышли в поле», покинув Артурские позиции. По мнению автора, это было серьезной ошибкой русского командования: убрать из крепости войска, которые прекрасно изучили крепостной район и его укрепления, сменив их свежими частями, для которых все было в новинку. Заметим, что ровно ту же ошибку совершило русское командование и в ходе Первой мировой войны: еще в 1910 году были ликвидированы полки и батальоны крепостной пехоты, а в ходе самой войны для полевых действий были выведены полки, сто-

явшие в крепостях, заменявшиеся подчас третьесортными формированиями (ополченскими дружинами). Возможно, отчасти из-за этого русский фронт Первой мировой войны не дал ни своего Вердена, ни подобия порт-артурской эпопеи.

Михаилу Михайловичу Иванову война с Японией принесла славу и награды. Самую почетную воинскую награду Российской империи – орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия он заработал еще в самом начале боевых действий на суше – за Тюренченский бой 18 апреля 1904 года. Рота под командованием капитана М. М. Иванова прикрыла отход полка, помогла ему и соседним частям дивизии вырваться из окружения и спасти знамена. О напряженности боя свидетельствуют цифры: из 156 стрелков роты, вступивших в бой, целыми из него вышли 15, включая командира. Полковой священник, о. Стефан (Щербаковский), шедший впереди цепей, получил два ранения и стал пятым православным священником, удостоившимся награждения орденом Св. Георгия (всего подобных награждений к 1917 году насчитывалось менее двух десятков). После поступления в Санкт-Петербургскую духовную семинарию о. Стефан служил полковым священником в частях гвардии, с Кавалергардским полком участвовал в походах Великой войны и был убит в 1918 году чекистами в Одессе.

В воспоминаниях М. М. Иванова прекрасно отражена «отрядомания» как стиль управления в бою старших русских начальников того периода (в первую очередь, А. Н. Куропаткина): когда по разным боевым участкам раздвигались не только дивизии, но и полки, батальоны и роты. Удобству управления частями такое «оперативное искусство», конечно, не способствовало.

Заслуженный в Тюренченском бою авторитет М. М. Иванова признавался начальством, новый командир полка полковник В. А. Яблочкин (сменивший убитого под Тюренченом полковника Н. А. Лайминга) старался отправлять вновь прибывающих офицеров в его роту, чтобы под началом опытного строевого и боевого командира приехавшие из Европейской России необстрелянные офицеры могли осмотреться и втянуться в боевую работу. Особенно доверительные отношения сложились у М. М. Иванова с князем А. В. Барятинским.

Тяжело представить двух более различающихся по большинству формальных признаков людей: солдатский сын, получивший «на медные деньги» не лучшее образование и воспитание, сдружился с отпрыском одной из самых богатых семей Российской империи, сыном генерала от инфантерии, получившим образование в Пажеском корпусе – самом привилегированном военно-учебном заведении. Князь Анатолий Владимирович Барятинский начал офицерскую службу в лейб-гвардии 4-м стрелковом Императорской Фамилии батальоне, которым ранее командовал его отец. Еще в чине поручика он зачисляется в Свиту, становится флигель-адъютантом. Успешную и даже блестящую карьеру прервал выход в отставку в 1901 году из-за расстроившегося здоровья. После начала Русско-японской войны он возвращается на службу и отправляется на театр военных действий, в 11-й Восточно-Сибирский стрелковый полк, где и встречается с автором воспоминаний, назначенный младшим офицером в его роту. Любопытный момент: командир роты и его младший офицер оказались в одном чине капитана – вероятно, в полку опасались сразу дать в командование роту незнакомому офицеру, прибывшему из отставки. Но вскоре М. М. Иванов и князь А. В. Барятинский командовали соседними ротами – 8-й и 9-й соответственно. В дальнейшем М. М. Иванов всегда встречал самый теплый прием и уважение у своего нового сослуживца и членов его семьи, о чем он с благодарностью вспоминает на страницах своих мемуаров.

Подвиги не только отдельных чинов, но и всего полка не были забыты: 11-й Восточно-Сибирский стрелковый полк в награду получил Георгиевское знамя с надписью «За Тюренчен 17–18 апреля, Ляоян 15–17 августа 1904 года и за Февральские бои 1905 года» (Высочайший приказ от 17 декабря 1906 года) и шефство вдовствующей императрицы Марии Феодоровны (Высочайший приказ от 22 июля 1907 года). Последний факт М. М. Иванов по ошибке припи-

сал к отличиям за подавление Владивостокского вооруженного восстания 16–17 октября 1907 года. Как видим, дарование шефства почти на целый квартал опередило восстание.

Окончание Русско-японской войны 1904–1905 годов дало определенный толчок служебной карьере М. М. Иванова: наконец он занял определенное положение в обществе и проявил себя не только хорошим строевым офицером, но и начальником, способным обустроить жизнь в под ведомственным ему районе. Немало этому поспособствовал перевод дивизии после поражения в Русско-японской войне в г. Владивосток, который не раз в эти годы переводился на военное положение и усиленную охрану. Последние мероприятия передавали значительную часть полномочий гражданских властей в руки военных. Правда, судя по описанию, Михаил Михайлович позволял себе то, что при ином ходе событий могло бы быть истолковано как превышение полномочий.

Также упоминает автор и о своих детективных способностях. Вряд ли он привлекался к расследованию уголовных дел, о чем пишет, тем более что с «поручающими» возникла явная путаница. Здесь ситуация достаточно хорошо известна, поэтому-то и можно говорить об ошибке автора. Во-первых, во Владивостоке не было генерал-губернатора, генерал В. Е. Флуг был назначен на должность военного губернатора Приморской области еще в сентябре 1905 года, свидетелем чего М. М. Иванов быть не мог. Во-вторых, генерал В. Е. Флуг сменил на этой должности генерала А. М. Колубакина (а не некоего «генерал-губернатора Андреева»). Нет людей со схожей фамилией и среди заведовавших в эти годы гражданской частью вице-губернаторов Приморской области. В-третьих, существовало Приамурское генерал-губернаторство, в состав которого входила и Приморская область, но все приамурские генерал-губернаторы известны, и Андреева среди них нет. В описываемый период пост Приамурского генерал-губернатора занимал генерал П. Ф. Унтербергер (с 18 ноября 1905 по 6 декабря 1910 года), сменил которого первый и последний гражданский генерал-губернатор Приамурья Н. Л. Гондатти. Предположение же о том, что расследования поручались подполковнику М. М. Иванову «через голову начальства» генералом М. С. Андреевым, помощником командующего войсками Приамурского военного округа и наказным атаманом приамурских казачьих войск, либо же заведующим военно-судной частью при главном начальнике тыла войск на Дальнем Востоке полковником А. П. Андреевым, вряд ли можно считать оправданным. По крайней мере, никто из этих Андреевых генерал-губернатором не был.

Во Владивостоке М. М. Иванов наконец смог зажить «в свое удовольствие». Жалованье позволяло, и читатель может подробно ознакомиться как с кулинарными, так и с культурными пристрастиями автора.

В ходе своей службы строевой офицер М. М. Иванов не раз сталкивался с представителями корпуса офицеров Генерального штаба. И почти неизменно это приводило к конфликтным ситуациям. Некоторая часть офицеров, закончивших Николаевскую академию Генерального штаба, полагала себя носителями знаний, недоступных «простым смертным». Это высокомерие заслужило им в строевых частях прозвище «моменты». В идеале офицер-генштабист должен был чередовать службу в штабах со строевой. Офицеры Генерального штаба имели свою линию производства и занимали строевые должности, нередко «седлая» строевое офицерство и значительно опережая его в карьерном росте, получении должностей, чинов и орденов. Часто это порождало зависть и практически всегда – некоторое недовольство со стороны подчиненных. Причиной тому, помимо прочего, были и часто встречающаяся оторванность генштабистов от строевой службы, плохое ее знание, а также – краткий срок. Как правило, полки получались для «цензового командования», и кратковременное «командирство» было лишь необходимой ступенькой для последующей успешной военной карьеры. Сживаться с новой частью, знать и чтить ее традиции, налаживать отношения с офицерским составом «варяги» обычно были не склонны.

Михаил Михайлович, безусловно, должен был также чувствовать некоторую разницу в культурном уровне со своими «штабными недругами», свидетельство чему – его излишне обостренные реакции на замечания с их стороны, тем более несправедливые. И, опять же, поиск «простых ответов на сложные вопросы».

К примеру, при описании своего столкновения с начальником 3-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генерал-лейтенантом В. А. Ольшевским и и. д. начальника штаба дивизии полковником К. Г. Гиршфельдом, «оттоптавшись» по «моментам» на примере своего полкового командира полковника И. З. Одишелидзе, М. М. Иванов дает выплеск своему юдофобству, применяя определение «жидовский выродок». Оставим в стороне сложившиеся после революции и Гражданской войны воззрения М. М. Иванова и его эмоциональность, попробовав осветить затронутую им тему.

Какова доля истины в этих словах? Фамилия «Гиршфельд» вполне может иметь как еврейское, так и немецкое происхождение. Константин Григорьевич Гиршфельд был православного вероисповедания и происходил из почетных граждан г. Санкт-Петербурга. Производство в офицеры лиц иудейского вероисповедания было запрещено законом. За Русско-японскую войну, во время которой подполковник К. Г. Гиршфельд пребывал в той же (кстати, «полковничьей») должности и. д. начальника штаба 3-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии (в которую входил полк М. М. Иванова), он удостоился Золотого оружия с надписью «За храбрость» (с 1913 оно станет Георгиевским оружием), орденов Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 2-й ст. с мечами, Св. Анны 2-й ст. с мечами, Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом. Все ордена боевые. Вряд ли начальник штаба дивизии был таким невеждой, как это пытается показать автор воспоминаний. К тому же, с 1912 года его служба протекала исключительно на строевых, а не штабных должностях, а до этого – на штабных должностях в войсках, а не в главных управлениях. Воспитанник 3-го Московского кадетского корпуса и 3-го военного Александровского училища, окончивший Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду, временно командующий 111-й пехотной дивизией генерал-майор Константин Григорьевич Гиршфельд был убит после издевательств и глумлений взбунтовавшимися солдатами-гражданами «армии свободной России» 25 августа 1917 года.

Следует заметить, что в своем юдофобстве автор непоследователен: он вольготно чувствует себя в «сомнительном» окружении, а оказавшись в Харбине, начинает хлопотать перед Верховным правителем о Георгиевском кресте 4-й степени за Тюренченский бой в 1904 году. По словам автора, ему удастся «выбить» спустя 15 лет награду для «бывшего моего солдата 8-й роты», чем тот «очень горд». Помимо этого, боевой генерал фактически жил у своего бывшего подчиненного, а ныне «миллионера и владельца гостиницы „Модерн“», вследствие чего можно по-иному взглянуть на авторские слова о «проклятых жидах». Поселившийся в 1906 году в Харбине Иосиф Александрович Каспе был иудейского вероисповедания, о чем не мог не знать бывший командир роты. Начав с часовой лавки, при помощи скупки и перепродажи вещей и ростовщичества, он преобразил ее в ювелирный магазин, постепенно став владельцем фешенебельного отеля «Модерн» и одним из богатейших людей Харбина. Может быть, их сблизил любовь к театру? В 1920-е годы И. А. Каспе стал председателем акционерного общества, объединившего несколько театров, переписанных при начале японской оккупации на принявших французское гражданство сыновей. Трагическая история сына – Семена Иосифовича Каспе, похищенного в 1933 году ради выкупа и убитого не получившими его членами Русской фашистской партии, стала широко известна и приподняла завесу над происхождением миллионов отца: в 1920-е годы именно через него сбывались советскими властями драгоценности, изымаемые у «бывших людей». Более того, советский генконсул в Харбине М. М. Славутский в телеграмме в Москву в НКВД называет миллионера «нашим агентом», а его погибшего сына – членом иностранной компартии. Таким образом, можно сделать вывод, что Михаил

Михайлович на самом деле совсем не антисемит, каким хочет казаться со страниц своих мемуаров.

Последний русский комендант Харбина скончался 6 ноября 1935 года, вскоре после того, как «персональной читательнице», дочери Ольге, исполнилось 18 лет.

Текст мемуаров представляет собой авторизованную машинопись с многочисленными вклейками фотографий. Написанный в ноябре 1919 года текст, вероятно, в 1921 году был набран на печатной машинке и несколько раз вычитывался и дополнялся (по крайней мере, в 1922, 1926 и 1930 годах). При публикации были исправлены явные опечатки, в значительной степени раскрыты сокращения, курсивом выделен текст, подчеркнутый автором в оригинале рукописи.

А. В. Марьяняк

Воспоминания генерала Российской армии. 1861–1919

Предисловие автора

Пишу автобиографию не для широкого оповещения, только для моей дорогой дочурки Олюшки, чтобы знала о том, что был ее отец: какого был он рода-племени, как рос, как воспитывался и учился, как служил Богу, императору и своему Отечеству, почему не оставил ей богатства, а жил и умер нищим...

Да простит мне читальница, а может быть и читатели, мои орфографические и грамматические ошибки и промахи, так как это произведение печаталось прямо на машинке, как изливает свою мысль-фантазию музыкант на рояле или пианино... И у него, бесспорно, являются ошибки, но, в общем, в его исполнении слышна душа... Вот так и у меня – нет литературной обработки писателя, но душа есть.

Разумеется, многое пропущено, многое можно было развить, но боялся сойти с моей большой дороги и заплутаться в дебрях прошлого. Описание событий, мною виденных, и характеристика лиц, мною встречаемых в жизни, могли бы занять целые тома, но я не историк и не писатель – я только повествователь о себе своей шалунье Олюшке.

Не буду греха таить, оставшись «не у дел» и прожив 60 лет, захотелось вспомнить прошлое: что прошло, то мило. Смотря на теперешний ад, видя гибель своего Отечества, хвататься за прошлое – за успокаивающий бальзам.

Великая трагедия души патриота, выдавшего все величие, силу и славу своего Отечества, видеть теперь весь позор и унижения, порабощения и презрения... но верую и исповедую, что моя Олюшка увидит нашу Матушку-Русь и сильной, и славной, и страшной врагам. Аминь.

1/14 июня 1921 года

Харбин

Разъезжая улица, дом № 693/6

Автобиография генерал-майора Михаила Михайловича Иванова

Отец мой, Михаил Семенович Иванов – сын унтер-офицера лейб-гвардии Семеновского полка¹, родился в г. Угличе в 1820 году. Мать моя, Марья Ивановна Ширяева – дочь унтер-офицера Бородинского пехотного полка², родилась в г. Козлове в 1826 году.

Значит, я чистокровный и потомственный солдатский сын.

1861

Как мне передавали мои родители, я родился *22 сентября 1861 года*, в г. Костроме, на Дебре³. Крестным отцом у меня был писарь управления водной дистанции Виктор Мартынович Греченков. Крестную мать не знаю. Крестили меня в церкви Вознесения Господня, что на берегу Волги.

Из времени моего раннего детства, т. е. до 1870 года, я смутно помню, как брат Александр завел меня в новых козловых, с красными сафьяновыми отворотами, сапожках в пруд, помню шум винокуренного завода, где отец служил. Помню громадное наводнение в г. Ярославле в 1868 году, мы жили за р. Которослью в военной школе, переименованной впоследствии в Военную прогимназию⁴. Брат Александр учился там же и вышел юнкером в 137-й пехотный Нежинский полк⁵.

1870

В 1870 году меня отдали учиться грамоте старой деве, некоей Потехиной, но вскоре передали старому николаевскому унтер-офицеру Сидорову, который засадил меня за Псалтирь и жестоко бил линейкой. Осенью я поступил вольноприходящим⁶ в 1-й класс Военной прогим-

---

¹ Лейб-гвардии Семеновский полк. Старшинство – с 23 мая 1683 года. Полковой праздник – 21 ноября (введение во храм Пресвятой Богородицы).

² Бородинский пехотный полк был сформирован 11 марта 1813 года. Старшинство – с 29 ноября 1796 года от Московского гарнизонного полка.

³ Имеется в виду улица Нижняя Дебря – одна из древних улиц Костромы, в конце XIX века ее официальное название – Нижняя Набережная улица. Дебря – заросшая лесом низина, чаща. (*Здесь и далее – примеч. ред.*)

⁴ Военные прогимназии – низшие общеобразовательные учебно-воспитательные учреждения, подчинявшиеся военному ведомству. Как и гражданские прогимназии, подчинявшиеся Министерству народного просвещения, давали образование в объеме курса уездных училищ или 4-х младших классов реальных училищ, но без языков. Выпускники военных прогимназий предназначались для пополнения юнкерских училищ. Ярославская военная прогимназия образована в 1868 году среди первых на базе военно-начальной школы. Число воспитанников в описываемое время – 400 человек. В 1895 году на основе Ярославской военной школы, в которую была преобразована прогимназия, был открыт Ярославский кадетский корпус.

⁵ 137-й пехотный Нежинский полк. Старшинство с 29 ноября 1796 года. Полковой праздник – 30 августа. Полное наименование с 19 августа 1875 года по 8 марта 1877 года – 137-й пехотный Нежинский Его Императорского Высочества Великого Князя Александра Владимировича полк.

⁶ Абсолютное большинство военно-учебных заведений были интернатного типа, где все содержание воспитанников шло за государственный счет. В некоторых заведениях в описываемое время, помимо «казеннокоштных», допускались и «своекоштные» воспитанники или «приходящие», т. е. жившие дома и являвшиеся только на занятия. Обучение их также было бесплатно, а число определялось по усмотрению директора прогимназии. Для поступления в 1-й класс военной прогимназии подростки 12–14 лет должны были знать главные молитвы, уметь читать и писать по-русски и считать. Фактически директор Ярославской военной прогимназии действовал вопреки закону: Высочайше утвержденное 19 апреля 1869 года Положение о военных прогимназиях строго определяло возраст воспитанников и приходящих учеников – не моложе 12 лет, исключение было установлено для Оренбургской и Сибирской военных прогимназий, куда по усмотрению генерал-губернаторов могли определять и не достигших 12-летнего возраста, «но не ранее десяти лет и только во внимание крайней бедности родителей»

назии, вместе с сыном священника отца Николая Ширияева – Федей Ширияевым, впоследствии профессором Демидовского лицея⁷. Воспитателем нашего класса был Патаржинский. Директором, после генерала Лео, был полковник Боголюбов. Зимой мы ходили на занятия в 8 часов утра и до 2 и с 6 часов вечера до 8-ми. Шалили много, и я проломил себе голову, падая, ударившись об угол стола, знак на лбу остался на всю жизнь. Помню, нам показывали туманные картины, на Рождественских праздниках были концерты и спектакли, помню занавес – вид на Ярославль с Волги. Я много читал и увлекался Майн Ридом и Жюль Верном, любил очень-очень Погосского – плакал над его «Неспособным человеком». Мать моя недурно пела и играла на гитаре, мои любимые песни были «Вот на пути село большое» и «Вечер поздно из лесочка». С весны и до осени мы с матерью часто ходили в лес за цветами, ягодами, грибами и орехами, в порядке их появления: сморчки, черемуха, ландыши, бубенчики, фиалки, земляника, гонобобель⁸, малина, березовики, боровики-подосиновики, белые-коровки, сыроежки, грузди, рыжики, ягоды черемухи и рябины, – и только осенние дожди прекращали наши прогулки. Опять начинались классные занятия, уроки. Моими товарищами были Коля Лео, Федя Ширияев и Митя Коренев, – с ними часто играли в «индейцев». Был отчаянный мальчишка Сенька Караулов, и нам часто доставалось от него.

Из особенностей моего детства помню: если я долго не засыпаю, то мне давали большой медный кран, и я, обняв его, быстро засыпал...

1871

В 1871 году мне исполнилось 10 лет. Увидел в первый раз железную дорогу – Московско-Ярославскую, недавно открытую. По субботам, воскресеньям и в праздники ходил в церковь прогимназии, и меня удостоили подавать кадило, чем я очень гордился. Родители меня брали с собой в Спасский монастырь, где был архиерейский дом с Крестовой церковью. Помню, мы с матерью были там за обедней, служил архиепископ Нил, я стоял у амвона справа. После обедни народ бросился к амвону под благословение владыки, но высокопреосвященнейший Нил быстро сошел с амвона, подошел ко мне, благословил и дал мне в руки просфору со словами: «Хорошо молился». В Толгин день, 8 августа, день явления иконы Божьей Матери – в кедровой роще, на берегу р. Волги при впадении в нее р. Толги в 1314 году, – отец, мать и я отправлялись ранним утром, пешком, за восемь верст к ранней обедне в Толгский монастырь и после обедни на берегу Волги пили чай с медом и калачами, потом шли к поздней обедне и в крестный ход вокруг монастыря. Подкрепившись и отдохнув, возвращались вечером опять пешком домой. Ездили в монастырь и зимой, 21 ноября, в день Храмового праздника, главной церкви монастыря. Все это оставило неизгладимый след на всю жизнь. За малолетством я оставлен в первом классе еще на год.

Старший брат Александр перешел из пехоты в корпус военных топографов и уехал в Харьков. 15 ноября 1871 года родился братишка Николай.

Зимние занятия шли своим чередом. Начались уроки пения и ремесел. Пению обучал воспитатель Макар Никифорович Езерский, как теперь помню, разучивали песенку «Ах ты воля, моя воля, золотая ты моя», и Езерский часто меня бил смычком по голове, и я из-за этой

и опекунов». Но, опять же, речь шла о воспитанниках, а не проходящих учениках. В 1870 году М. М. Иванову исполнилось лишь 9 лет. Согласно «букве закона», он мог быть принят проходящим учеником в Ярославскую военную прогимназию не ранее 1873 года: возраст рассчитывался по числу полных лет на 10 августа приемного года. И это помимо ограничений по происхождению.

⁷ Имеется в виду Демидовский юридический лицей. Основан Павлом Григорьевичем Демидовым в 1803 году. В 1868 году курс был сравнен с курсами юридических факультетов университетов, лицей давал высшее юридическое образование. В 1919 году на его основе создан Ярославский государственный университет.

⁸ Голубика.

«воли» являлся домой с пятнами на лбу – вот тебе и «воля». Ремесла начал изучать со столярного, но, сломав две пилы, был переведен в токарную, где порезал себе руку, и был переведен в переплетную, но и тут неудачно – воспитанник Гринев в драке со мной вымазал мне всю физиономию клеестером... и я окончил курс практических наук. Вообще, я был мальчик не из тихих: или я бил кого, или меня колотили. У воспитанников было много невинных игр, в которых фигурировал жгут из туго свитого мокрого полотенца...

1872

Наступил 1872 год. Помню, на Пасхе весь огромный плац прогимназии покрылся тысячами чаек, и они гуляли более часа. В мае, после экзаменов, начались толпой товарищей экспедиции в Ямской лес на целый день с едой, чаем и с котелком, было очень весело, возвращались домой только к ужину. Летом выучился на р. Которосли плавать. Часто играли в «солдаты» и «войну», которая всегда оканчивалась дракой. Я был полковник. В одной из войн, во время бомбардировки, сыну фельдшера Алеше Федорову проломили кирпичом голову, но его папа его вылечил. В военных играх появились и новые товарищи: Саша Прибылович, Паша Бровин и много других. Не помню, кто-то усмотрел в лавке старого железного лому чугунную пушку, весом около полпуда, я купил, устроили лафет на колесах, началась потеха... Эта пушка через шесть лет опалила мне лицо, и только чудом сохранились глаза. Теперь мы выходили «войском» на Бутырское поле и с отрядом станционных мальчиков имели столкновения. Громадное влияние было чтение. У Феди Ширяева были «История Петра Великого» и «История Наполеона», два громадных тома с множеством рисунков, и я их прочитал три раза от корки до корки⁹. Любил читать «Оборону Севастополя» Погосского¹⁰, написанную особым стилем, и «Чтение для солдат»¹¹, где особенно много писалось о Кавказской войне. Шалость шалостью, а незаметно прививался и воспитывался патриотизм. В этом году много писали и говорили о 200-летию рождения Петра Великого, о торжествах и выставке в Москве.

Не могу забыть о печальном со мной случае в этом году. Хотя мы и мальчишками-сорванцами были, но ухаживали за одногодками-барышнями, особенно помню Марину фон Зигер-Корн, Катю Кореневу, Маню Боголюбову, Сашу Андрееву. Была девочка Катя Зубель, и вот она что-то сказала, а я схватил ветку можжевельника и давай бить по лицу ее: разумеется, сейчас же с жалобой к моему отцу, тот сейчас же призвал меня, и первый его был вопрос: «Чем бил, принеси»... Выйдя на двор, я сообразил, для чего, и нарвал громадный, мягкий букет... лебеды, который и вручил отцу, но он выпорол меня розгами и очень больно. Внушено уважение к женщине. Помню ясный, жаркий летний день, время было послеобеденное; в огороде под громадными тремя тополями собралось много нас, мальчиков и девочек, затеяли хоровод и, взявшись за руки, под песенки «Ах вы, сени, мои сени» и «Чижик, чижик, где ты был», плясали, я уже раньше, после обеда, чувствовал, что-то плохо с желудком, но «общество» и танцы соблазнили меня... песня неслась, хоровод кружился... я увлекся и забылся... и... вдруг моя дама громко, на все «общество», заявила: «От Миши воняет»... Я понял, и почувствовал, и побежал домой. Робко и тихо взошел, окна были завешаны, жара-духота, мать спала-отдыхала на диване, я приблизился к ней и пристально смотрел ей в лицо... Она повела носом, потянула воздух и зашевелилась, я обмер, она раскрыла глаза на меня и спросила: «Что с тобой?» – я молчал, она опять потянула носом, встала, подошла ко мне, нагнулась, посмотрела и вос-

⁹ Вероятно, имеются в виду *Золотов В. А.* История Петра Великого. СПб., 1872; *Верне Г.* История Наполеона. СПб., 1842.

¹⁰ Автора несколько подводит память. Он не мог читать эту книгу в 1871 году, поскольку она вышла только в 1873-м. Имеется в виду *Погосский А. Ф.* Оборона Севастополя. Беседы о войне 1853–1855 гг. для войск и народа. СПб., 1873–1874. Ч. 1–3.

¹¹ Журнал, выходивший с 1842 до 1852 года, с периодичностью 6 номеров в год, затем 12.

кликнула: «Мишка, ты обоссался»... Я тихо прошептал: «Мама, мы танцевали». Вот почему я не любил танцев – они напоминали мне мой «конфуз». Отцу дало начальство прогимназии клочок земли для огорода, насадили картофелю, капусте, луку, моркови, свеклы и сахарного гороху, таскание воды, поливка гряд измучили меня... потом только утешился горохом. Зато осенью у нас были даровые овощи. Я очень любил капустные кочерыжки.

Учебный год я уже начал в 2-м классе, воспитателем был Н. П. Акулов. Осенью этого года я научился кататься на коньках. Любимым местом катанья был большой пруд сзади прогимназии, на огороде Александра Михайловича Колчина. Сам Колчин был ростовский крестьянин, красавец собой, да и его жена, Александра Петровна, была к нему под стать. Мы с отцом бывали у него в гостях. Раз я с Пашей Бровиным катались на этом пруду и гонялись друг за другом. Я улепетывал на коньках от Бровина, но как раз посредине пруда под мой конек попадает примерзший сучок, я спотыкаюсь, падаю, на меня со всего размаха Паша, проламывается лед, и мы погружаемся по горло в воду... еле выбрались на берег – и домой. Мать только ахнула, но отцу не сказала. С меня как с гуся вода.

Из наук учебного года я полюбил географию, которую проходили по Белоху, и естественную историю по Сент-Илеру, из рождественского гуся собрал на проволочки скелет лапы. Ученые мое шло хорошо – в среднем на 9–10 баллов.

Часто с матерью ходили в гости к тетке Ольге, живущей в собственном домике на Подгорной улице, недалеко от прогимназии. У нее на воспитании были племянница Надя и два племянника Паша и Петя, тоже мальчики не из тихих. Мы часто дрались, всегда двое на одного, попеременно. Им кто-то подарил небольшую лодочку, но ее надо было перегнать с пристани Ветка, ниже Ярославля 6 верст, на р. Которосль к Феодоровской церкви. Мы смастерили мачту с парусом и в один прекрасный день отправились на Ветку, поставили мачту, распустили парус и двинулись к устью р. Которосли, сильный ветер понес нас вверх по течению, и мы попали между барж идущего каравана, как нас не раздавило – удивительно, но все-таки у нас была лодка. Рыбу ловили с плотов, на колодки, шел хорошо окунь. Река Которосль была глубока – бочагами, т. е. ямами, и много летом тонуло в ней неопытных купальщиков. В Ярославль приезжал со своим хором Агренов-Славянский и дал концерт в прогимназии. Я совершенно обезумел от восторга, и последний раз мне его пришлось слышать в Порт-Артуре в 1902 году.

Из начальства военной прогимназии помню генерала Лео, полковников – Боголюбова, Андреева, Кичеева. Майоров – Коренева, Караулова, Борисова. Воспитателей и учителей – Патаржинского, Акулова, Здравеского, Лебедева, Лютомского, Прибыловича, Семенова, Гусева, Андреева, Ряднова, Иванова, Персидского. Священников – отца Андриана, Волкобруна, Тирыева, Ливицкого и отца Смарагда от церкви Иоанна Предтечи. Нашей грозой был вахмистр Ефграф Спиридонович Иванов. Церковным старостой был Иван Никифорович Никифоров – заведующий швальной.

Здание прогимназии было одноэтажное, в плане – П, каждая сторона была около 100 сажень, все четыре стороны были обсажены большими березами, которым было 50–60 лет, в углах были небольшие рожицы. Летом было очень красиво. По задней четвертой стороне были выстроены три летних барака – это был лагерь. Посредине плаца была громадная гимнастика. Церковь была отдельно, посредине переднего фаса, очень красивая внутри, с колоннами под белый мрамор, иконы и картины были писаны и рисованы генералом Степановым. Помню, над алтарем была надпись: «На Тя Господи уповахом да не постыдимся вовеки». Хор воспитанников очень хорошо пел под управлением Ряднова (брата). Помню Пасхальный концерт (запричастный) «Днесь всяка тварь веселится и радуется»... и мы действительно радовались – по десятку яиц съедали за раз.

1873

Весело прошли Святки: елки, концерты любителей – воспитателей, учителей и воспитанников, спектакли воспитанников. Играли «Ревизора». Встретили дома новый 1873 год кагором, рябиновой и кофе. На праздниках у нас всегда мать пекла пирог, и отец выпивал 2–3 рюмки водки и полрюмки давал выпить мне. Вкусно мать готовила кушанья: щи, борщ, лапшу, суп из кореньев, студень, лапшевник, картофельник, а жареные грибы в сметане – пальчики оближешь... Любил я пироги со свежей капустой, с молоками рыбьими и ботвинью с соленой севрюгой. Все было дешево: говядина – 7–8 коп. фунт, масло топленое – 15 коп. фунт, яйца – 5–6 коп. десяток, и так все. Мать летом наварит разного варенья, намаринует и насолит грибов, а особенно рыжиков... Ели так, что потом всю жизнь я не ел.

Прошла Пасха, хорошо сошли экзамены, и опять лето красное – тоже гулянье, игры и потехи. В окрестностях Ярославля, а именно у нас за Которослью – около Туговой горы, Бутырок, селе Крест, селе Лучинского, – были маневры. Разумеется, без нас не обошлось, и, вертясь между частями, я чуть не был раздавлен выезжающей на позицию карьером батареей 35-й артиллерийской бригады. Все было хорошо, но отцу вздумалось переменить службу, и он согласился на предложение главного управляющего имениями княгини Трубецкой, отставного полковника Эмилия Августавовича Гребнера, поступить к нему в контору в Москве. Вот тут-то и началось наше горе.

В середине августа начинались классные занятия. Я был переведен в 3-й класс, но я, вследствие отъезда в Москву, уже не пошел на занятия... остался как бы «не у дел», как было горько на душе, и больно, и досадно. Впоследствии в жизни мне пришлось два раза оставаться «не у дел», и всякий раз пришлось испытывать горечь-досаду и вспоминать данный случай. Распродав кое-что, в начале сентября мы поехали по железной дороге в Матушку Москву. Почему-то мне лезла в голову пословица: «Город Москва бьет с носка». Вид и шум Москвы ошеломили меня. Контора и наша квартира помещались в собственном доме Э. А. Гребнера у Смоленского бульвара и Плющихи, в Малом Трубном переулке, в приходе церкви Неопалимой Купины. Квартира состояла из трех маленьких комнат в третьем этаже, рядом с конторой и окнами во двор, и небольшой садик – взгрустнулось и по огромному плацу, по Бутырскому полю, и по Ямскому лесу... В первое же воскресенье отец повел меня в Кремль, зная уже русскую историю, я быстро разобрался в Кремлевских соборах и дворцах, но, смотря на колокольню Ивана Великого, не мог не вспомнить наших дураков-пошехонцев, с которых «будочник» взял взятку за то, что те считали ворон на Иване Великом. Поразил меня внутренний вид соборов и понравился круглый образ на паперти Чудова Монастыря: слева смотришь – Бог Отец, справа смотришь – Бог Сын, а прямо – Дух Святой. Удивился величине Царь-колокола и Царь-пушки, но, узнав, что из последней стрелять нельзя, то разочаровался. Увидав пушки-трофеи 1812 года, замечтался: вот бы хорошо одну маленькую пушечку в Ярославль для нашего войска. Были и молились у Иверской и Пантелеймона на Никольской. Таким образом, то с отцом, то с матерью я ознакомился с Москвой.

Э. А. Гребнер представлял из себя тип штабного аккуратного офицера-немца на русской службе. Жена его, Эмилия Карловна, была маленькая надутая немка, и притом очень злая. Дети их: Эмилия – 15 лет, Катерина – 13 лет, Константин – 12 лет, Георгий (Жорж) – 10 лет и Варвара – 8 лет. Катерина, здоровая, краснощекая девица, все свободное время подметала метлой весь двор и садик, а остальные дети были бледные и чахлые. Ко мне все относились ласково и внимательно, особенно я дружил с Костей. Дом был обставлен богато и оригинально: в зале стояла белого мрамора статуя сидящей девушки с букетиком цветов в руках, в кабинете на стене были развешаны рыцарское вооружение и доспехи, была большая коллекция яиц. Жили в довольстве, но не открыто – Гребнер всех и вся ругал.

Время шло, а я не учился. Отец обошел много училищ – все было переполнено, в других требовалась крупная плата за ученье, и я вместо ученья ездил на рысаках за гребенятами на Поварскую.

1874

Пришло Рождество, но скучное: ни елки, ни удовольствий... вспомнился Ярославль и прогимназия. Только и было интересного – это водоосвящение 6 января, особенно мне понравилась стрельба пушек с Тайницкой башни.

Брат Александр был переведен из Харькова в Москву в штаб округа. Братишка Николка рос и был здоровый мальчишка.

Гребнер моего отца совсем оседлал: днем посылал по складам и конторам, а по ночам должен вести конторские книги, не стало и праздников – как праздник, так поручение, и отец вспомнил Ярославскую прогимназию... Настал май, и Гребнер с семьей уехал в свое имение – село Костино Ковровского уезда Владимирской губернии. Я часто ездил за братом Александром в Ходынский лагерь, в штаб округа, в Малую Всесвятскую рощу. Ездил на рысаке Карабинере с кучером Перфильем, и раз, едучи уже с братом из лагеря домой по Ходынскому полю, попали под холостой орудийный выстрел, и наш Карабинер понес воню, только благодаря кучеру он нас не разбил. Перфильем направил на пески, что около Ваганьковского кладбища, чем и укротил коня. В одно прекрасное утро вдруг со двора пропадает четырехлетний братишка Коля, сбились с ног искавши, искали и на Плющихе, и по всем переулкам, дали знать полиции, мать и отец в отчаянии, время близилось к вечеру, мать в слезах... Вдруг видим – наш дворник ведет нашего Николу, нашел его на Зубовском бульваре, спокойно играющим в песке. Через 32 года он был приставом 2-го участка Арбатской части¹²... Перст providения¹³...

Отец получал жалованья 40 руб. в месяц, и по московским ценам нам еле хватало, цены на жизненные продукты, сравнительно с ярославскими, стояли высокие. Особенно мне были смешны маленькие молочные кувшинчики на высоком дамском каблучке против нашей ярославской огромной крынки, а цена была та же – 5 коп. Отец иногда брал меня с собой на лесные склады, около Нижегородской станции железной дороги, и, ехавши обратно, заезжали в Сундучный ряд Гостиного двора и обедались пирожками с бульоном. Кончалось лето, приехал Гребнер с семьей, и еще хуже и труднее [стало] отцу. Был ровно год, как приехали мы в Москву... терпение отца истощалось. На Софийской набережной за Чугунным мостом держал большое переплетное дело бывший мой учитель переплетного искусства, при котором мне намазали клейстером физиономию, Кирилл Васильевич Калачов, с ним-то и делился отец своим горем. Однажды, приехавши от него, переговорив с матерью, решил отказаться от места у Гребнера и ехать обратно в Ярославль. Несколько дней сбора, и в одно тоскливое, ненастное, сентябрьское утро со двора выехали две подводы со скарбом, а за ними плелись отец, мать с братишкой и я, таща что-то в руках. Сыпал мелкий холодный дождик. Подводы выехали на Смоленский бульвар, повернули налево и поехали вдоль бульваров: Смоленского, Новинского, по Кудринской, Большой Садовой, Триумфальной Садовой, мимо Сухаревой, по Спасской и на товарную станцию Московско-Ярославской железной дороги. Как теперь смотрю, тащимся мы по грязи, под дождиком, а силуэт Сухаревой башни высится перед глазами сквозь сито дождя, и холодно, и тоскливо на душе... Только поздно вечером в вагоне обогрелись мы и заснули.

---

¹² В административном плане с 1881 года Москва делилась на полицейские участки во главе с полицейскими приставами. К 1917 году – 48 участков (из них 7 – в пригородах).

¹³ Вероятно, автор иронизирует по поводу «тяги» брата ближе к центру города, «по другую сторону» Садового кольца, так как 2-й участок Арбатской части, где служил затем участковым приставом Н. М. Иванов, располагался между Садовым и Бульварным кольцами и между Малой Бронной и Малой Дмитровкой. От дома в Большом Трубном переулке до него было ближе, чем с Зубовского бульвара.

Ночью во сне слышались звонки и выкрики: Мытищи, Хотьково, Троица-Сергиево, Итларь... Проснулся ранним утром на станции Семибратово и скоро сквозь осенний туман первый увидел шпиц Церкви Петра и Павла, что у фабрики Корзинкиных. На вокзале нас встретила тетка Ольга, и мы пошли прямо к ней... Сердце радостно забилося, когда я увидел прогимназию, но она показалась мне низенькой.

Мы поместились в одной маленькой комнатке. У отца в наличности было скопленных по грошам около 300 руб., и этим капиталом тетка Ольга подбила-уговорила отца строить домишко – свое гнездо. Землю, 100 квадратных сажень, в долгосрочную аренду на Туговой горе давало крестьян Ямской подгородной слободы за 10 руб. арендных в год. Лесной материал – бревна, доски, брусья – давал купец Голодухин в долг. В конце сентября началась постройка, а в начале ноября мы перешли в «собственный» дом. В новом доме было и холодно, и сыро. Во время постройки дома я, бегая около постройки, на дороге, около колеи, нашел два медных екатерининских пятака, и у меня разыгралась фантазия о кладе, живо взял лопату и давай ковырять землю на месте находы пятаков, и вдруг лопата стукнулась о что-то твердое – котел с деньгами, блеснула у меня мысль, и я быстро отошел от этого места, побежал к отцу и тайно рассказал о «кладе». Поздно ночью я уже спал, как отец разбудил меня и давай ругать – он вырыл огромный камень... но пятаки долго хранились у нас. Рассчитавшись с плотниками и печниками, отец остался без гроша, мест нигде не было, вот тут-то и началась нужда: о мясе и забыли, булочка – только изредка по праздникам, да и то черствая, она дешевле на три копейки, а если мать на стол поставит картофельный суп с яичной подправкой, то и слава Богу. Что было хорошо у нас, так это ржаной хлеб из свежей муки, ветряные мельницы были от нас недалеко. Теперь нам было большим наслаждением поест «сочней» из ржаной муки: делалось тесто пресное на воде, из теста катались тонкие лепешки, делалась начинка из творога, яиц и растопленного масла, все это тщательно растиралось, и начинка готова. Начинку накладывали на лепешку, лепешку складывали пополам, край «засучивали» – и на сковородку в печь, как блины; горячий «сочень», политый горячим маслом, – одно объеденье.

Несмотря на просьбы отца, обратно в прогимназию меня не приняли, и только по доброту инспектора классов, вновь учрежденного из уездного училища городского училища, Петра Николаевича Лебедева, я был принят в это училище в старшее отделение 2-го класса¹⁴, где встретился с бывшими прогимназистами Шавлинским и Варницким. Городское училище помещалось в бывшем доме ссыльного в Ярославль Бирона, на берегу Волги, рядом с губернаторским домом. Дом был очень хорошо приспособлен, классы были высокие и просторные. Мне каждый день приходилось бегать от прогимназии до городского училища, в оба конца – пять верст. Наше отделение вел учитель Антушев, но в конце учебного года был арестован как революционер, судим и был сослан в Сибирь. Теперь я увлекся русской историей, прочитал всего Карамзина, Костомарова и запоем читал исторические романы, журналы «Русский архив», «Русскую старину» и «Исторический вестник». Изучил истории городов Ярославля, Углича и Ростова и всего Ярославского края – знал все исторические места, мне всякое место говорило само о себе.

1875

Трудно было отцу: без денег и места, начали продавать, что было возможно. Тоскливо и грустно встретили Рождество и Новый 1875 год. Наконец в начале марта отцу удалось получить место конторщика в конторе управляющего имениями графа Шереметева в селе Новом, Угличского уезда, куда отец и уехал, а мать подыскала постояльцев – немца Карла Егоровича

¹⁴ Городские училища – общеобразовательные учебные заведения, предназначавшиеся, прежде всего, для бедного городского населения. Создавались по Положению, высочайше утвержденному 31 мая 1872 года.

Шульца, и оставила у него меня в качестве нахлебника, а сама уехала к отцу в село Новое. Семья Шульц состояла: жена – Мина Васильевна, дочь – Эмилия, 10 лет, другая дочь – Эмма, 6 лет, и сын – Рихарт¹⁵, 5 лет. Жилось у них мне хорошо – кормили вкусно и сытно. После экзаменов, в конце мая, мать пешком пришла за мной. Дня через три ранним утром мы с матерью, с котомками за плечами, с палками в руках, вышли из дома и направились через мост, что у Церкви Иоанна Предтечи, вышли на Угличскую дорогу, мимо Леонтьевского кладбища, и по утреннему холодку побрели. Надо было пройти до села Нового 67 верст. Мало-помалу ноги разошлись, и в полдень мы пили чай в трактире, что у д. Игриши, пройдя 30 верст. Красивы наши большие трактовые дороги, обсаженные березами, в виде двух аллей. Как ни трудно, а в 10 часов вечера мы были в селе Новом. Дня три я отдыхал и не выходил из дому. Лето я провел хорошо: часто ходили в еловый лес за белыми грибами и засушили их очень много, в р. Юхоть ловили голавлей и пескарей, купались, шалили и не видели, как подошло время возвращаться в Ярославль учиться. После Преображенья отец нас с матерью отправил уже на лошадях троечника Ворочаева. К. Е. Шульц заявил, что переезжает на другую квартиру, и матери пришлось подыскивать новых квартирантов. Тетка Ольга живо нашла – Михаила Михайловича Галицкого, начальника разъезда Ветка, отставного поручика Ахтырского гусарского полка¹⁶, жену его Ольгу Ивановну; были люди хорошие, добрые, но безалаберные и легкомысленные... часто не бывали дома, и я оставался дома один, было страшновато сидеть одному дома на краю города. Сам Галицкий сильно пил. Пока полученное жалованье еще на руках – ели хорошо, прошло дней 10–15, деньги прошли, смотришь – и сидишь на одном чайке. Приехал в октябре отец, и я у него выпросил купить мне ружье. Отец купил мне одностволку за пять руб., я был в восторге. М. М. Галицкий подарил мне пороху, дробь и пистонов и учил стрельбе в дверь овина соседа нашего, крестьянина Петунина. Теперь, когда я оставался дома один, то заряжал ружье и ждал только нападения... но нападения ни разу не было. С Галицким ездил на Ветку, где и стрелял ворон, галок и сорок. На паровозе, работающем на Ветке, ездил машинистом старик-француз Рурк, живущий на квартире у тетки Ольги, он меня называл «молодой Жерар, охотник на львов»¹⁷. Он научил меня управлять паровозом, и я под его наблюдением вел поезд с Ветки на станцию Ярославль, что доставляло мне огромное удовольствие.

Будучи на Ветке, я заинтересовался работой телеграфа, и мне сделали ключ, жена Галицкого была телеграфистка – выучила меня выбивать азбуку Морзе. Из зимних удовольствий теперь у меня были хождение на лыжах и катание с горы на «лотке». Классные успехи мои были хороши. Я продолжал историческое чтение и имел по истории круглое 5. Очень нравилась система преподавания географии: с параллельным вычерчиванием плана и карты, начиная с плана класса, города и карты губернии, Европейской России, Европы, Азии и так далее, все это сказалось впоследствии на военной топографии. На Рождественские праздники я поехал в село Новое на тройке Ворочаева, но внутри возка я не мог сидеть – у меня кружилась голова и тошнило, так что я всю дорогу просидел с ямщиком на облучке «в тулупе, в красном кушачке». Рождество провели по-деревенски, ходил славить, на посиделки и только – скучно.

¹⁵ Вероятно, Рихард.

¹⁶ Ахтырский гусарский полк. Старшинство – с 27 июня 1651 года (от Ахтырского слободского казачьего полка). Полковой праздник – 2 июля. Полное название в описываемый период: 12-й гусарский Ахтырский Его Королевского Высочества Принца Фридриха-Карла Прусского полк (с 25 марта 1864 по 18 августа 1882).

¹⁷ Отсылка к популярным книгам известного французского охотника на львов Сесилия-Жюль-Базилия Жерара (1817–1864).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.